

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

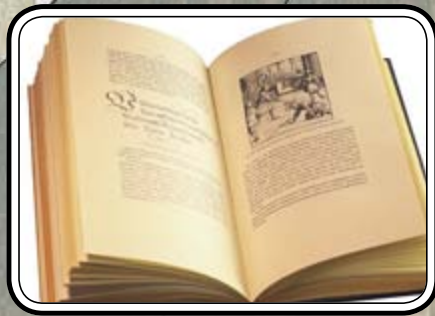
Детская

2015 (187)

6+

ИМЕНА:
А. С. Грибоедов

ЛИЦЕЙ:
Книга — великое чудо

Евгений Чириков

Хаврюша

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Даниил Хармс

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Я шёл зимою вдоль болота
В галошах,
В шляпе
И в очках.
Вдруг по реке пронёсся кто-то
На металлических
крючках.

Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две дощечки,
Присел,
Подпрыгнул
И исчез.

И долго я стоял у речки,
И долго думал, сняв очки:
«Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!»

1940

Рождественская
открытка

В номере:

3

Евгений Чириков
Хаврюша

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин
**Красочный исторический бытописатель, жанрист,
мастер портрета: Константин Маковский**

21

ИЗ БАБУШКИНОГО СУНДУКА

Сергей Вознесенский
Брусничное варенье

22

ЛИЦЕЙ

Книга — великое чудо

24

РАССКАЗЫ

Бекир Аблаев
Они живут в моей памяти

26

ЖИВОЙ УГОЛОК

Татьяна Михайлова
Удивительная ворона

29

ИМЕНА

Валентина Коростелёва
Превратности судьбы и праздник слова

32

РАССКАЗЫ-ГОРОШИНЫ

Владимир Волков
**Воробей
Как я помогал бабушке**

34

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядко
Достижения цивилизации. Современная цивилизация

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Зав. производством
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Юрисконсульт
Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский
Печатный Двор»

(142300, Московской обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpk.ru

e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 6889

© «Роман-газета», 2015 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Евгений Чириков
Хаврюша

Художник Ю. Устинова

Всякий раз, когда я вижу поросёнка, живого или жареного, я вздрагиваю, и снова мне делается так скучно и грустно, что хочется заплакать... Впрочем, я вам расскажу всё, как это было, подробно и с самого начала...

Нас было трое: я, брат Володя и сестра Варенька. Я был старший, и мне было лет семь, Володе — пять, а Варенька ещё ползала и говорила только «гу-гу» и «ля-ля», но понимала много. Жили мы в городе, который не помню, как назывался, с папой, мамой и бабушкой. Папа у нас был невесёлый, утром уходил куда-то служить, а после обеда спал и храпел, а мама всё хворала. И тогда было так же. Маме очень надоедала Варенька: всё капризничала, просилась на руки, а ночью мешала маме спать. И мы с Володей больше играли с бабушкой. Иногда она нас наказывала, когда очень уж нашалим, но потом ей станет нас жалко, и она даст нам по конфетке. Мы очень любили ходить с бабушкой на базар, но она брала кого-нибудь одного, и из-за этого мы ссорились с бабушкой и с Володей. Вот один раз была моя очередь идти с бабушкой на базар, а я разбил блюдечко, и за это бабушка оставила меня дома, а Володю взяла с собой. Я, конечно, заплакал и стал бранить Володьку:

— Жилда! Жилда! — кричал я ему, когда он собирался на базар. А бабушке я сказал, что она упадёт на базаре: — Тебя накажет Бог за то, что ты вместо меня берёшь Володьку!

— Поговори ещё! — сказала бабушка. — Я поставлю тебя в угол носом.

Так мы поссорились, и бабушка с Володей ушли. Скучно было мне сидеть дома и очень досадно на Володю. Уж больно любил я ходить на базар! Там очень интересно и весело! Очень много народу, шум такой, что ничего не разберёшь. Лошади, телеги, мужики и бабы, на телегах телята, поросята, курицы, а то есть убитые коровы и свиньи. Продают всякую всячину, вешают на весах, бранятся, а голуби бегают около того места, где продают овёс, крупу, семечки, и совсем не боятся людей. И игрушки есть! Только плохие... Пряники есть!

Мама шила на машине, а я залез на подоконник и озорничал, потому что было скучно. Муслил палец и рисовал на стекле домики с трубой и с дымом; потом пошёл в детскую, залез в игрушки и сломал у Володи железную дорогу. Это я сделал от злости... Нехорошо я сделал, да уж ничего не поделаешь; пробовал сделать, да только ещё больше испортил. Долго бабушка с Володей не приходили с базара, но наконец в кухне зазвонили, и я обрадовался. Было очень интересно, что бабушка купила на базаре. Вдруг Володя выбежал из кухни и замахал руками:

- Купили поросёнка.
- Мертвого?
- Живого.

Тут уж я не вытерпел, закричал «ура!» и побежал в кухню. Я давно просил бабушку купить живого поросёнка, и наконец это исполнилось... Понятно, что я очень обрадовался и, когда бежал, не заметил Вареньку и наступил ей на ручку. Она закричала и сильно заплакала, но когда вышла мама, я был уже в кухне...

- Где? Где? Бабушка, где?..
- В корзинке.
- Здесь, — сказал Володя и отвернул краешек крышки.

Я взглянул и действительно увидел поросёночка. Он был такой чистенький, с розовеньким холодным носиком с двумя дырочками и с маленькими глазками. Высовывает мордочку и всё нюхает и пищит. Володя принёс кусок сахара; он, глупый, думал, что поросёнок обрадуется и съест, а поросёнку было наплевать на сахар, а хотелось вылезти из корзинки. Пришла мама с Варенькой на руках. Варенька все ещё плакала, но когда ей показали поросёнка, она улыбнулась и сказала:

- Ля-ля...

И забыла, что надо плакать.

И Пегас — так звали нашу большую собаку — тоже пришёл в кухню. И ему было интересно, что такое в корзине. Пегас встал передними лапами на лавку, махал хвостом и нюхал корзину. А когда ему показали поросёнка, он начал громко лаять. Пришла кухарка, посмотрела на поросёнка и сказала:

- Кто будет резать-то? Я не умею...

— Зачем резать?

- Не надо резать... Мама! Бабушка!

И мы с Володей стали умолять маму и бабушку не убивать поросёнка...

- Такого миленького, чистенького...

Володя заплакал, схватил маму за платье, а я за руку — и мы умолили маму подождать резать поросёнка хотя бы несколько дней. Бабушка упиралась, но когда я ей сказал, что её за это накажет Бог, она тоже согласилась подождать.

- А куда его деть-то? — сердито спросила кухарка.

— Пусть живёт в кухне... — сказал я.

- Больно мне нужно! Грязи-то!

— Ну в детской! — предложил Володя.

- В детской я не позволю, — ответила мама.

Вот тебе и раз. Нигде не позволяют... Надо же было где-нибудь жить? Я сильно испугался, что если негде поросёнку жить, то его заколют сейчас же, и, слава Богу, придумал:

- На подволоке! Ура! На подволоке...

С этим все согласились. Из кухни была дверь на подволоку — и там мы с Володей устроили квартиру для поросёнка: поставили ящик, положили в него сена, принесли большую плошку — кормить наше-

го поросёночка, и ещё устроили ему двор: посыпали землю на подволоке песком и сделали загородку.

Там он и поселился.

Началась у нас с Володей интересная жизнь. Как только кто-нибудь из нас просыпался утром, он прежде всего вспоминал про поросёнка: «Что-то там, на подволоке, подделывает наш миленький Хаврюша?»

Мы называли поросёнка разными именами: «Чушкой», «Свинтусом», «Хаврюшей»... Чаще всего — Хаврюшей.

— Володька! Спишь?

— М-м...

Я будил брата:

— Пойдём к Хаврюше! Он, верно, скучает и ждёт...

— Он спит ещё...

— Сам спишь, так думаешь — и он тоже? Поросята встают рано.

— А ты почём знаешь?

— Пойдем, увидишь, — говорил я таким тоном, точно мне были открыты все тайны поросячьей жизни. Наскоро одевшись сам и одевши младшего брата, я потихоньку лез в буфет отыскивать чего-нибудь съедобного для Хаврюши. Пегас спал в столовой. Увидя меня, он вставал, потягивался, расставляя широко передние и задние пары лап, и помахивал хвостом. Пегас уже знал, что мы идём к Хаврюше, и шёл за нами на подволоку. Как только Хаврюша услышит, что мы несём ему молока и хлеба, он начинал визгливо похрюкивать...

— Сейчас, сейчас... миленький. Проголодался?

— Не спит.

— Вот видишь! Чья правда? Я уж знаю...

Сперва Пегас не особенно любил Хаврюшу и всегда хотел куснуть его за хвост или ухо. Но скоро привык к Хаврюше и только озорничал с ним: подсунет свою морду ему под брюхо и подкинет кверху. Хаврюша взвизгнет и начнёт вертеться на одном месте, точно танцует, и похрюкивает; хочет убежать, а места мало: везде загорожено. Мы его успокоим: погладим, дадим молочка, поласкаем.

— Ты чеши ему спинку, а я — за ухом.

Володя чесал ему спинку, а я — за ухом, а Пегас облизывал ему нос, потому что он пил молоко и замочил себе всю мордочку...

И скоро Хаврюша привык к нам, а Пегаса перестал бояться. Пегас понял, что нехорошо обижать маленького Хаврюшу, и только шутил с ним и показывал вид, что хочет укусить, а сам не кусался. Очень интересовался Пегас Хаврюшиным хвостиком. Хвостик был у него закорючкой и очень смешно шевелился. Вот Пегас возьмёт в рот Хаврюшин хвостик и тянет его... или возьмёт за ушко и не пускает. А Хаврюша сердится: прыгает и всё хочет толкнуть Пегаса мордочкой, подпрыгивая на месте. Устроили мы Хаврюше сад: наломали в саду больших веток и натыкали около ящика. Но Хаврюша не захотел сада. Пришли на другой день и видим, что все деревья валяются: это он их вытащил и бросил.

— Он не любит сада... Ему надо грязную лужу...

— А ты почему знаешь?

— Вот глупый. А большие свиньи? Они всегда лежат в лужах... Надо устроить ему лужу...

— А как?

— Вот тут, где земля... Принесём ведро воды, выроем яму и нальём.

— И посадим в неё Хаврюшу.

— Давай! Где у нас лопатки?.. Неси!

Володя принёс наши маленькие лопатки, и мы начали устраивать Хаврюше большую яму. Пегас понял, в чем дело: понюхал землю и тоже начал передними лапами рыть и выбрасывать землю...

— Дурак! В глаза мне попал землём!.. — закричал Володя и ударил Пегаса.

— Ты сам виноват... Зачем встал тут? Помогай, Пегас!

Я погладил Пегаса, и он опять начал работать. Я пошёл за водой. Очень трудно было принести целое ведро, и пришлось ходить три раза.. Вылили первую порцию воды и стали мешать... Потом вторую, потом третью... Вышла отличная яма с грязью, как на улице после дождя.

— Иди, Хаврюша. Купайся! Чего боишься, дурачок?..

— Он не любит на руках... Опускай скорее!

Опустили Хаврюшу в грязь.

— Не хочет...

— Сиди! Не бойся...

— Он не хочет.

— А вот хочет. Видишь — сел?..

Хаврюша сел, потом прилёг. Володя набирал в пригоршню жидкой грязи и подкладывал Хаврюше под бока, а я прихлопывал ладонью, чтобы было ровнее и красивее... А Пегас искал у Хаврюши блох, елозил своей мордой по его спине и пощёлкивал зубами.

— Хорошо, Хаврюша? — спрашивал я поросёнка, а он похрюкивал и моргал глазами. И было видно, что Хаврюше очень хорошо и приятно.

Но кончилось это большим огорчением. На подволоку вдруг прибежала кухарка и закричала:

— Что вы тут наделали?

— Ничего... Видишь — Хаврюшу купаем? — сказал Володя.

— Ах, вы, такие-сякие... Что вы натворили?

Кухарка пихнула ногой Пегаса, отшвырнула нас от Хаврюши, а Хаврюшу взяла за шиворот и выкинула из ямы. Потом она взяла лопату и стала ломать у нас грязную лужу, засыпая её песком.

— Как ты смеешь? Мы вот маме скажем...

— Поди-ка: мать вам надерёт уши-то... Насквозь промокло. Весь потолок в зале испортили...

Оказалось, что мы очень глубоко вырыли яму и очень много налили воды. Вода протекла вниз и промочила потолок в зале...

— Убирайтесь отсюда!

— погоди. Дай поймать Хаврюшу.

— Вот вам Хаврюша!..

Кухарка схватила грязного Хаврюшу за задние ноги и бросила его с лестницы в кухню.

— Заколоть его надо...

Мы с Пегасом побежали следом за Хаврюшей в кухню. Что-то теперь будет? Мы боялись, что войдёт мама, начнёт браниться и велит заколоть нашего милого Хаврюшу... Надо было устроить так, чтобы только мы с Пегасом были виноваты и чтобы Хаврюша остался невинным. Но как это устроить? Наверно, злая кухарка уже всё рассказала и маме, и бабушке... Я посмотрел на Хаврюшу, который забился в уголок, и мне сделалось так жалко его, что я забыл всё на свете и, присев на корточки, начал ласкать его, бедного.

— Беденький ты мой! Я не дам тебя зарезать. Никому не дам.

Я забыл, что Хаврюша купался в грязи, прижимал его к себе и весь испачкался... А курточка была у меня новая... Вот ещё беда!.. Ещё хуже теперь стало, потому что бабушка и в этом обвинит его же, Хаврюшу... Сошла с подволоки кухарка.

— Милая Степанидушка! Ничего не говори маме с бабушкой.

И кухарка пихнула Хаврюшу башмаком прямо в носик.

О, ужас, вошла бабушка... Мы так и замерли на месте... Что-то теперь будет?

— Почему потолок промог? — спросила бабушка.

— Вот они, озорники-то. Всё со своим поросёнком...

- Милая бабушка, мы... мы... ему хотели устроить лужу... Не сердись уж, он ведь не виноват, мы сами это...
- А в чём это ты курточку-то новую испачкал? А?
- Сама испачкалась...
- Все с поросёнком возитесь... Будет уж ему нежиться: пора колоть. Завтра пораньше попроси дворника зарезать... Надоел он... Грязь от него одна...
- Бабушка!
- Милая бабушка...

- Не надо резать!
 - Помилуй его, бабушка!..
- Мы с Володей уцепились за бабушкино платье и со слезами умоляли пощадить бедного Хаврюшу.
- Он не виноват. Милая бабушка!
 - Вот накажет тебя Бог... Скажи — не надо колоть!
 - Убирайтесь! Пожил, слава Богу. Целую неделю прожил... Будет уж... Завтра же утром пусть дворник зарежет...
 - Бабушка! Пусть поживёт хоть до моего ангела! Гости придут... — просил я, глотая слёзы и желая хоть ещё денька на три сохранить жизнь Хаврюше.
- А бедненький Хаврюша ничего не понимал. Он не понимал, что его собираются зарезать и что ему осталось так мало прожить на свете. Хаврюша стоял около ведра с помоями и старался как-нибудь достать их мордочкой... Только Пегас понял, в чём дело. Он смотрел то на бабушку, то на Хаврюшу и тихонько скулил. Должно быть, и Пегас просил бабушку всё о том же, о чём умоляли её мы с Володей...
- Только до моего ангела!.. Милая бабушка! погоди, послушай, что скажу...
 - Ну что ещё?
 - Ты мне хотела подарить на именины турецкий барабан... Ну, так лучше ничего не дари, только не вели завтра колоть Хаврюшу...
 - Ну, ладно... Там посмотрим...
- И бабушка ушла.
- Мы отправились к маме. Бабушка успела уже рассказать про нашу лужу маме, и мама встретила нас сердито:
- Глупости делаете. Надоел ваш Хаврюша... Будет уж, надо заколоть.
- Долго мы умоляли маму. Пришёл Пегас и тоже ластился к маме. Верно, и он упрашивал её. Но мама была неумолима.

— Идите в детскую. Не мешайте мне шить.

Бог помог Володе, как спасти Хаврюшу.

— Если бы меня велели заколоть — тебе было бы жалко? Да? А Хаврюша — маленький, и у него есть мама Хавронья, — сказал Володя.

Мама захохотала, поцеловала Володю и сказала:

— Ну, пусть подождут колоть. Успеем...

— Конечно, успеем, мамочка! Пойдём, Пегас! Идём, Володя!

Мы все радостно выбежали от мамы и опять направились в кухню:

— Радуйся, Хаврюша, мама помиловала тебя!

— Давай обмоем Хаврюшу, видишь, какой он грязный.

Хаврюша не давался, но мы всё-таки вытерли его тряпкой, а Пегас облизал его. И опять настали радостные дни. Хаврюша жил по-прежнему на подволоке, но иногда вечером мы перетаскивали его к себе в детскую и укладывали спать под кроватью. У меня под кроватью стояла корзина, раньше мы в неё укладывали игрушки, а теперь — Хаврюшу; вытащили старый Варенькин тюфячок из колясочки и устроили постель для Хаврюши. Один раз Хаврюша ночевал со мной на кровати. Днём Хаврюша любил спать около Пегаса. Пегас ляжет на бок, протянет задние лапы, а Хаврюша заберётся ему под самое брюхо и уткнётся мордочкой в шерсть. И оба так сладко спали, что будить их жалко...

— Вишь, как дружно живут, — говорила бабушка и ставила их в пример нам с Володей. — Не ссорятся, не дерутся... Кабы вы, братья, так между собой жили!..

Прошла ещё неделя. Хаврюша хорошо кушал, подрос и сделался такой кругленький. Выросла на нём побольше шерсть, такая ровная, гладенькая, а на спинке стала расти щетинка, красивая, вся из одинаковых серебристых иголочек... Мы часто брали Хаврюшу на руки и рассматривали у него ножки с копытцами, хвостик, уши. Копытцы были у него из двух половинок, а в ушах росли волосы, как у папы в носу. Глазки были маленькие и весёленькие, словно все смеялись, а зубки — востренькие...

Вот один раз мы сидели на полу в детской и подробно рассматривали, как устроены у Хаврюши носик с пяточком, ротик и губы. Подползла к нам Варенька и сказала:

— Ля-ля! Гу-гу, ля-ля.

И ткнула Хаврюше пальчиком в рот. А Хаврюша, видно, рассердился, что ему лезут в рот прямо руками, и укусил Вареньке пальчик. Да до крови... И случилась опять беда, такая беда, что и рассказать невозможно... Варенька широко раскрыла рот и так заревела, словно у ней совсем откусили палец...

— Не плачь!.. Сахару дам!.. — уговаривал я сестрёнку и дул ей на пальчик. А она не переставала.

Прибежала мама и схватила на руки Вареньку. Мама очень испугалась.

— Что вы с ней сделали?..

— Ничего... Плакса она, — сказал Володя... Но мама увидела кровь на пальчике у Вареньки и испугалась ещё больше.

— Кто её? Что это?

— Ля-ля! — кричала Варенька и показывала ручкой на Хаврюшу.

— Поросёнок. Ее укусил поросёнок?

Мы потупились и молчали. Что было сказать маме? Врать не хотелось.

— Она сама... плакса... лезет, а потом ревет...

— Поросенок её? — сердито спрашивала мама... — Говорите же!

— Ля-ля!.. — кричала Варенька и продолжала показывать ручкой на Хаврюшу.

— Разве свинья кусается, мама?

— Да ты говори, о чём я тебя спрашиваю?

— Свиньи вовсе не кусаются.

— Не заговаривай мне зубы!

Мама шлёпнула меня рукой по затылку и пошла на кухню... Зачем она пошла туда? Что она там кричит и говорит кухарке?.. Мы притихли и даже боя-

лись слушать, о чём говорила мама. Но мы чувствовали, что дело очень плохо, потому что Варенька не унималась и редела всё громче.

— Ах, Хаврюша, Хаврюша! Что ты, дурачок, наделал?!

Пришла из кухни кухарка и сказала:

— Где он, проклятый?..

— Кто? — спросил я и прикрыл Хаврюшу рубашечкой.

— Да поросёнок-то?.. Мамаша велела отобрать. Где он?

Кухарка ходила по комнатам, а мы с Володей сидели, как куклы: не шевелились.

— Пегас! Где у нас поросенок-то? Залез куда-нибудь... — ворчала кухарка в детской и заглядывала под кровати, за комод, за сундук... Надо было нам убежать и спрятать куда-нибудь Хаврюшу, а мы так перепугались, что застыли на месте... Кухарка вернулась обратно и прошла мимо нас, да оглянулась. А Пегас стоял около меня, вертел хвостом и нюхал. И кухарка догадалась.

— У тебя он? В подоле?

— Да нет же.

— Ну-ка встань!

— Не хочу я вставать. Сидеть хочу.

Кухарка ткнула мне в рубашку, и Хаврюша хрюкнул.

— Эх, Хаврюша, Хаврюша, Хаврюша! Зачем ты, дурачок, хрюкнул?..

Кухарка схватила Хаврюшу. Мы с Володей не давали. Но кухарка была сильнее: вырвала у нас Хаврюшу и потащила его в кухню.

— Отдай! Куда ты его?..

— Заколоть его надо...

— Мама велела подождать до моего ангела.

— Нечего ждать... Завтра утром колоть приказано...

Мы подошли к кухонной двери и хотели опять умолять маму, но как только она увидела нас, закричала «убирайтесь!» и захлопнула дверь в кухню...

Значит, всё кончено... Не спасёшь Хаврюшу...

Мы с Володей долго стояли около кухонной двери и с ужасом прислушивались, о чём говорили в кухне. Пришла бабушка:

— Вы что тут болтаетесь? Кыш!

— Милая бабушка! Помогите нам!

Я объяснил бабушке, в чём было дело, но бабушка и слушать не хотела.

— Будет, будет... Пожил он на свете довольно. Уходите прочь!..
— Хоть до моего ангела!
— Твой ангел через месяц. Если ждать твоего ангела, так не Хаврюша, а Хавронья будет.

И бабушка исчезла в кухне... О чём они там говорят?.. О, ужас!..

— Завтра пораньше попроси дворника зарезать. Палить умеешь?
— Могу.
— Хорошенько опали, чтобы ни одного волоса не попало в кушанье.
— Слушаю, барыня. Постараюсь.
— Слышишь, Володя?
— Слышу.
— Зарежут нашего Хаврюшу...
— А как, барыня, приготовить-то его? — спросила кухарка маму.
— Зажарить с гречневой кашей...

Боже мой! Я отлично знал смысл этих слов и содрогнулся от ужаса. Ведь это значило, что Хаврюше разрежут животик и набьют туда гречневой каши...

Слёзы подступили к моим глазам, и я убежал в детскую, чтобы не слушать больше этого страшного разговора. Здесь никого не было, и можно было поплакать. Я спрятался в уголок за шкапом и, отвернувшись к стене, потихоньку хныкал. Пришёл Володя и шёпотом сказал:

— Где ты? Я придумал.

Не хотелось мне выходить из-за шкапа с мокрыми глазами, но я не вытерпел:

— А?

Володя понял, что я за шкапом, и подошёл. Я не смотрел на Володю, но мне очень хотелось поскорее узнать, что придумал Володя.

— Ну! Говори!

— Давай выпустим Хаврюшу на улицу. Пусть он убежит, куда хочет...

— У-у! Я думал, что ты другое...

— А что же? Пускай убежит...

— Люди поймают его.

— А все-таки останется жив...

— Съедят его люди, — угрюмо сказал я.

— А может быть, не съедят. Ты почему знаешь?

— Да уж знаю.

— Не всех же съедают... Откуда же тогда берутся большие свиньи?

Этот вопрос поставил меня в затруднение. Действительно, если бы съедали всех поросят, то не было бы на свете больших свиней...

— Может быть, его поймают добрые и не заколют, — говорил Володя.

— А как мы его выпустим?

— Утащим у кухарки и унесём на улицу...

— А мама? Она задаст. И бабушка тоже...

— Не беда. Чего сделают? Пускай ставят в угол носом. Постоим, а зато...

— А розгами?

— Папа не велит розгами. Он велит только в угол носом...

— Бабушка не послушает и папу...

— Скажем, что я выпустил... Меня не будут розгами: я — маленький...

— Ну, ладно, — согласился я и, улыбаясь, вытер кулаком слёзы.

Стоя в уголке, мы шёпотом совещались, как нам устроить всё это дело. Надо торопиться, потому что завтра утром хотят заколоть Хаврюшу. А времени осталось уже мало: скоро придёт со службы папа — будут обедать, потом скоро — чай, а там, немного погода, и спать...

— А ночью? — спросил Володя.

— Ночью страшно идти на подволоку... Темно там...

— Темно-то не беда, а может быть, там Баба-Яга живёт! — сказал Володя.

Это все глупости: никакой Бабы-Яги на свете не бывает...

— А ты почему знаешь?

- Знаю уж...
- По-твоему, и чертей не бывает? — спросил Володя.
- Не бывает...
- У тебя всё не бывает... А вдруг из-за трубы и выглянет...
- Ничего не выглянет. Спроси у папы: он говорит, что никаких чертей нет,

а это только врут всё...

Долго мы обсуждали, как лучше устроить, и решили так: после обеда, когда папа ляжет спать, а бабушка сядет штопать чулки, пусть Володя попросит маму идти с ним гулять; когда они уйдут гулять, я буду смотреть, не уйдёт ли куда-нибудь кухарка: в лавку или в другое место, и как только кухарка уйдёт — я утащу Хаврюшу и унесу его через задний двор на улицу и выпущу на волю... Если кухарка никогда не уйдёт, решили встать ночью, потихоньку пробраться на подволоку и похитить Хаврюшу; ночью его можно выпустить с парадного крыльца...

— Может быть, попросить ещё папу, чтобы не убивали Хаврюшу? — спросил Володя.

— Нечего просить... Папа сердитый и очень любит есть поросёнка с кашей...

— Думаешь, — не помилует?

— Нет. Мама добрее, и то не хочет помиловать...

— Да, лучше выпустить...

— Кухарку будут бранить...

— Ну так и что? Что важнее: чтобы не бранили кухарку или чтобы не зарезали Хаврюшу?

— Хаврюша важнее...

— То-то и есть.

— Знаешь, что?..

— Что?

— На подволоку можно залезть: окошко есть, а рамы там нет. Можно подставить лестницу...

— Увидят... Дворник увидит...

— Скажем, что так... играем...

— Дворник не велит на крышу лазить...

— Пускай! А я полезу.

Отпросились у мамы гулять на двор. Осмотрели местность. Лестница была, только стояла не в том месте и была очень тяжёлая. Попробовали перетащить — мало силы... Но пришёл гимназист Вася и помог нам... Подвинули лестницу к окошку, и я полез. Было страшно, потому что лестница тряслась. Но, слава Богу, долез до самого окна. Заглянул: сразу показалось очень темно, а потом светлее; стало видно трубу, верёвки для белья... А вон и Хаврюшин домик.

— Хаврюша! — прошептал я и стал потихоньку хрюкать.

Молчит. Должно быть, думает, что — чужие. Похрюкал ещё — не отвечает. Влез в окошко и стал потихоньку пробираться к Хаврюшину домику... Что за диво? Нет Хаврюши. Осмотрел все закоулочки — нигде нет... Вот тебе и раз!.. Потихоньку стал пробираться назад — слышу: на дворе ругается дворник. Что случилось там? Гляжу в окошечко, стоит дворник и кричит:

— У меня не трогать лестницу! Уши надеру.

Посмотрел — нет лестницы: убрали. Вздрогнул даже, когда посмотрел из окошка на землю.

Гимназист стоял вдали и бранился с дворником, а Володи не было: должно быть, он испугался и убежал... Что же делать? Дверь в кухню заперта, а лестницы нет. Значит, на двор в окошко или стучаться в кухню?

- Дворник! Дай лестницу, а то как же я слезу?..
- Залез, так и сиди.
- Как ты смеешь?
- Не лазай другой раз... Посиди да подумай, какой ты озорник...
- Смотри: я спрыгну и ушибусь до смерти.
- Прыгай!
- Умру, тогда папа тебе задаст.
- Не умрёшь...

Ушёл куда-то дворник. Надо стучаться. Ничего не поделаешь. Будут бранить... А главное: спросят, зачем полез... Как сказать?.. Пожалуй, догадаются, что хотел утащить Хаврюшу. Осторожно спустился я по лестнице и приложил к двери ухо. Слышу, кто-то шевыряется у замка.

- Ты, Володя?
- Я...
- Отопри скорей!
- Да ключ-то у кухарки... ну, поймали нас. Бранится бабушка... Значит, нечего больше скрываться.

- Бабушка! Кто меня запер? Отопри!
- Как он залез туда? Зачем? Верно, думал, что поросёнок на подволоке...
- Ничего не думал... Отопри же!
- Ну и сиди! Сиди, пока отец не придёт... Пусть он тебя и выпустит...

Я заплакал и стал колотить ногой в дверь.

- Не дури!
- Выпусти! А то не перестану стучать, а буду всё сильнее.
- Вот и тебе задам. Выпорю.

Забрякал замок, и дверь растворилась. Бабушка хотела поймать меня за ухо, но ей это не удалось: я проскочил у неё под рукой и выбежал из кухни.

- Вот отец придёт, он тебе... Не получишь нынче малины с молоком.
- И не надо.
- А я ему половину своей отдам... — сказал Володя.
- Ну так и ты ничего не получишь.
- И не надо.

Мама не особенно рассердилась. Она была рада, что у Вареньки прошёл пальчик, и только улыбаясь, когда бабушка рассказала ей, как я очутился на запертой подволоке.

- Скажи: зачем залез?
- Играть.
- Не ври! Ты думал, что там Хаврюша...
- Ну и думал... А где он, мама?
- Не скажу.
- Скажи! Мы только погладим его. Мама!

Мы стали приставать к маме, и она сказала, что Хаврюша заперт в чулан под лестницей.

- Позволь нам поиграть с ним!
- Будет. Завтра его кушать будем...
- Позволь. В последний раз! Надо же проститься.
- Нечего прощаться...
- Вот ты какая нехорошая... Неужели тебе не жалко Хаврюшу?..
- Жалко, да что же делать, голубчик?..
- Пусть поживёт до моего ангела!..
- Нет... Нельзя... Папа хочет поросёнка с кашей...
- Купи другого!
- И другого будет так же жалко, как этого...
- Нет! Нам только Хаврюшу жалко... Хаврюша такой хорошенький... Любит нас...

- И мы его любим... Очень любим... — сказал я.

Звонок оборвал наши разговоры: это папа пришёл со службы. Сердитый пришёл. Нечего и просить. Стал браниться, что не накрыли стола к обеду. Он хотел кушать.

— Поросёночка зажарили? — спросил папа.

— Нет... Завтра уж...

— А я просил — сегодня.

— Завтра непременно зажарим...

— С кашей! Побольше масла... Чтобы зарумянилась кожа, подсохла немного...

— Он, папа, маленький очень. Лучше бы дать ему пожить, чтобы вырос побольше. А то мало у него мяса... — попробовал я спасти Хаврюшу.

— Маленький вкуснее. Ничего ты не понимаешь...

Я вздохнул и ушёл в детскую. Не спасёшь Хаврюшу... Увидел под своей кроватью корзинку, в которой спал несколько раз Хаврюша, и так мне сделалось жалко, что слёзки выступили на глазах.

— Ах, папка! Злой ты какой! Тебе бы только съесть Хаврюшу, — сказал я и очень рассердился на папу.

После обеда, когда папа лёг спать, Володя стал звать маму гулять.

— Гуляй один.

— Я с тобой хочу...

— Куда же мы пойдём?

— Так, по улицам...

— Не хочется, голубчик.

— Пойдём со мной, — предложила бабушка.

— А ты куда?

— К вечерне...

— А мама?

— Я останусь дома.

— А кухарка? Она пойдёт куда-нибудь?

— А зачем тебе это знать?

— Надо.

Какой глупенький Володя. Зачем было спрашивать про кухарку?.. Догадуются вот.

Володя ушёл с бабушкой, а я остался... И кухарка куда-то ушла, да беда была в том, что чулан был заперт на замок, а ключ был у мамы. Постоял около чулана, послушал и позвал Хаврюшу. Услыхал. Хрюкает... Миленький! Экая досада! Так бы сломал дверь и выпустил Хаврюшу!.. Взял я палочку, всунул её в дверь, поискал ею Хаврюшу. Да что толку? Проклятая дверь! Стукнул в неё каблуком. Что-то упало с полки в чулан... Убежал. А время шло и шло... В столовой уже приготавливали стол к чаю. Папа проснулся и умывался, плескаясь водой... Вернулась бабушка с Володей...

— Ну что? — шёпотом спросил у меня Володя.

— Не удалось.

— Эх, ты!..

— Заперт чулан, а ключ у мамы...

— Утащил бы! — сказал Володя.

— Ай-ай... Разве можно?..

— Сказал бы, что я... Меня нельзя розгами: я — маленький...

Напились чаю. Стало темнеть на улице, и все меньше оставалось жить на свете нашему Хаврюше. Как только пробьют часы, у меня вздрогнет сердце, потому что ещё прошёл час Хаврюшиной жизни. Принесли зажжённую лампу. Велели уходить в детскую... Папа сел заниматься и запретил ходить взад и вперёд по комнатам. Пошёл дождик. На двор больше не пустили. Мы сидели с Володей в детской и смотрели на двор... Нам было очень скучно и хотелось плакать. А дождик всё шумел по крышам и ручейками сбегал по окошку. Опять пробили проклятые часы...

— Ложитесь! — сказала бабушка.

— Не хочется...

— Как это не хочется? Девять пробило... Я вот позову отца... Идите прощаться с родителями.

Пошли прощаться с папой и мамой. Хотел я ещё последний раз попросить папу о Хаврюше, но папа писал, и у него было очень сердитое лицо. Так я и не решился. Когда мы прощались с мамой, я подтолкнул Володю локтём, чтобы он начал разговор.

— Ну, ложитесь с Богом! — сказала мама, поцеловав нас обоих.

Мы не уходили.

— Ну, идите!

— Мамочка! Позволь проститься с Хаврюшей!..

— Вот придумали.

— Ведь завтра уж... не увидимся с ним...

— Никогда не увидимся! — сказал я, заплакал и убежал...

Не пустили проститься с Хаврюшей. Мы разделись, но очень долго не спали. Мы всё слушали, как шумит дождик по крыше, как со звоном вода стекает по сточным трубам и как папа считает на счётах... Лампадка горела в углу перед Богом, и на потолке был светлый кружочек от неё...

— Спишь? — спросил Володя.

— Нет, а ты?

— И я — нет...

— Я знаю, про что ты думаешь.

— Про что?

— Про Хаврюшу.

— Да. А ты?

— И я тоже.

Мы замолчали. Потом Володя присел на кровати и спросил:

— А что, Бог может спасти Хаврюшу, если Ему помолиться хорошенько?

— Наверно, может...

— Ведь Бог всё может? Бабушка говорит, что Он всё может сделать, что угодно...

— Да, если захочет...

— Давай — попросим! — сказал Володя.

— Давай!..

Мы присели на кровать и стали молиться и просить, но не вслух, а про себя. Я уже кончил, а Володя всё молился и шептал что-то. Потом мы опять долго молчали. Я всё думал, как может Бог спасти Хаврюшу, если ключ от чулана у мамы, — как вдруг Володя сел в кроватке и спросил:

— А у Хаврюши есть душа?

— Не знаю...

— Наверно, есть...

И опять лёг... И опять мы молчали... Ещё раз громко пробили часы, — опять мне стало так жалко Хаврюшу, что я ткнулся лицом в подушку и потихоньку заплакал. И больше я уже не слышал, как бьют часы. Верно, уснул...

Утром я проснулся первый. Был яркий такой солнечный день. Дождик хорошо вымыл двор, дома, камешки, листочки на деревьях за забором. Всё было светлое, чистое, весёлое такое. В церкви звонили к ранней обедне, и где-то кудахтали курица. «Верно, снеслась курица», — подумал я и вдруг вспомнил про Хаврюшу... И мне стало страшно думать про Хаврюшу и захотелось, чтобы Володя не спал.

— Володя, курица кудахчет как на дворе! Слышишь?

Володя не просыпался. Тогда я подбежал к нему и потрогал его за ногу, которая выставилась из-под одеяла. Володя поджал ногу, но всё-таки не проснулся. Тогда я сердито дёрнул его за руку и громко сказал:

— Спи, спи! А Хаврюшу зарезали...

Володя раскрыл глаза и зажмурился от свету.

— Чего спишь? Проспали Хаврюшу-то.

Тогда Володя заморгал глазами, сел в постели и начал чесать себе обеими руками затылок. Я ещё раз сказал то же самое — и тогда Володя спрыгнул с кровати и начал быстро надевать чулочки. Мы кое-как оделись, не застегнули даже башмаков и потихоньку вышли из детской. Было тихо в комнатах, только в столовой кухарка бряцала чайной посудой... Мы подошли к двери в кухню и остановились. Страшно было нам войти в кухню.

- Иди!
- Иди ты вперёд!
- Боюсь.

- И я.
- Думаешь, убили?
- Наверно...
- А может быть, Бог спас... — сказал Володя, перекрестился и приоткрыл дверь в кухню.

— Казнили! — сказал он и быстро затворил дверь.

- Там?
- На столе...
- Мёртвый?
- Мёртвый...

Меня тянуло пойти в кухню и посмотреть на мёртвого Хаврюшу, но было страшно туда идти.

— Что вы тут толчётесь? — спросила кухарка, проходя в кухню.

— Закололи? Да?

— Закололи, голубчики... До смерти жалко и самой-то мне... Поглядите! Тепленький ещё...

Кухарка ушла.

— Иди посмотри!..

— Не хочу...

— И я...

— А-а, слёзки...

— А у самого-то?..

Мы разошлись в разные стороны и перестали говорить про Хаврюшу. Но мы не переставали думать о нём — и оба были невесёлые. Не хотелось идти на двор играть, не хотелось пить чай с хлебом и здороваться с папой и мамой...

— Пегасик! Нету нас Хаврюши, убили его! — жаловался я Пегасу, когда он, грустный, пришёл к нам в детскую. Пегас опустил хвост и голову. Я обнял его за шею и поцеловал в морду... Пегас лизнул меня, встал посреди комнаты и задумался. Потом он покружился на месте, лёг и вздохнул, положив морду на передние лапы. Тянулся день, длинный и скучный, и опять били проклятые часы... «Дон, дон, дон». Три часа... Вчера, когда часы били три раза, Хаврюша был ещё жив, а теперь нет его... И завтра будет бить три часа, и послезавтра, и всегда... всегда. А Хаврюши никогда не будет на свете...

Пришёл папа со службы. Позвали обедать.

— Не хочется, мамочка...

— А мы не пойдём! — хмуро сказал Володя.

— Папа сердится... Идите!..

— Ну, останетесь без обеда... А сегодня поросёночек с кашей.

— И не надо, ешь сама!

— И малина со сливками.

— Не надо.

Мы не пошли обедать... Мы боялись увидеть жареного Хаврюшу с распоротым брюшком, набитым кашей... Мы вылезли через окошко на двор и там около сарая плакали о Хаврюше. Когда всё кончилось, мы пошли домой через кухню. Лучше бы не ходить!..

Кухарка мыла посуду, а Пегас жадно ел косточки, так что они трещали у него на зубах... Сперва я не догадался, что ест Пегас, но когда увидел Хаврюшин хвостик, то понял...

— Скверный ты пёс, гадкий! Володя! Он ест Хаврюшу... Все вы гадкие, все, и ты, кухарка!

— А мне, думаешь, самой не жалко?

— Скажешь — не ела?

— Ела... Чего уж... А как жарила, так поплакала...

Пегас подошёл ко мне и замахал хвостом, но я пнул его ногой:

— Пшёл!.. Хаврюша любил тебя, а ты... Ах, ты, негодный пёс!..

— Только папаша и кушали... Мамаша не могли... А бабушка и поела бы, да зубов нет.

— Все вы гадкие! Не люблю вас! — закричал я и убежал опять на двор.

Пришёл Володя.

— Вот бабушка говорила, что Бог всё может... А Хаврюши нет на свете...

Вечером, когда бабушка пришла укладывать Володю, — он сказал ей:

— Наврала ты, бабушка.

— Чего я тебе наврала?

— А про Бога-то?.. Говорила, что Он может...

— Ну?

Володя рассказал, как мы молились и просили Бога спасти Хаврюшу. Бабушка рассердилась и сказала:

— И молиться за поросёнка грех! Будет Бог обращать внимание на свиней!.. Он с людьми-то, поди, устаёт, не успевает...

— А ты говорила, что Бог всех любит!.. И людей, и зверей?..

— Молчи! Сами вы ещё поросята, а туда же про Бога разговаривать...

— Теперь не буду тебе верить...

— Молчать!..

— Врунья!

Бабушка подошла и нашла Володю. Володя начал плакать и бранить бабушку. Я заступился за Володю...

— Злая ты, а ещё бабушка! — крикнул я.

И меня нашла бабушка. И оба мы лежали в кроватях и долго плакали... Про бабушку я давно забыл, но не мог остановиться, потому что мне было жалко Хаврюшу... «Хаврюша! Хаврюша! Милый, бедный наш Хаврюша! — шептал я. — Никогда больше не увидимся, никогда!»

Красочный исторический бытописатель, жанрист, мастер портрета

Константин МАКОВСКИЙ

Константин Егорович Маковский — русский живописец, представитель академического романтизма, мастер исторического, жанрового и портретного направлений отечественного изобразительного искусства XIX — начала XX в.

Константин Маковский родился 20 июня (2 июля по новому стилю) 1839 года в Москве в семье художника, коллекционера, деятеля искусства Егора Ивановича Маковского, чья родословная корнями восходит в Польшу, и дочери фабриканта музыкальных инструментов, выходца из Пруссии, Любови Корнелиевны Маковской.

«Тем, что из меня вышло, я считаю обязанным себя не академии, не профессорам, а исключительно моему отцу...» —

писал впоследствии Константин Егорович. Он был старшим сыном в семье; двое его братьев, Владимир и Николай, стали живописцами, и сёстры, Александра — пейзажисткой, а Мария, последовавшая по стопам матери, — певицей.

Константин начал рисовать с четырёх лет, позже он перерисовывал работы из коллекции отца, друзьями которого были московские живописцы, среди которых — Василий Тропинин, обучавший Константина рисованию в детстве, Карл Брюллов, писатель Александр Островский.

Егор Иванович Маковский был помимо прочего основателем Натурного класса при Московском художественном обществе, ставшем в 1866 году Московским училищем живо-

писи, ваяния и зодчества. В Натурный класс тогда Константин поступил в возрасте 12 лет, в октябре 1851-го, учился у преподавателей Михаила Скотти и Сергея Заряно и получал награды и отличия за свои достижения в обучении художественному искусству.

Вместе с тем он учился и в петербургской Императорской академии художеств, куда поступил в 1858-м и где закончил обучение в 1863-м, в классе исторической живописи у А. Т. Макарова, Ф. А. Бруни и П. М. Шапошникова. Был награждён двумя серебряными медалями, в том числе первого достоинства, и одной золотой за рисунок и этюды с натуры.

Константин Маковский и тринадцать его сотоварищей —

Боярский свадебный пир в XVII веке. 1883 г.

Оленька и Коля на крыльце дачи. Конец 1900-х гг.

Русская красавица

Портрет сына в мастерской. Маленький антиквар. 1882 г.

Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к жертвованиям. 1890-е гг.

Портрет Ю.П. Маковской. 1881 г.

Портрет детей Стасовых. Начало 1870-х гг.

Народное гулянье во время Масленицы на Адмиралтейской площади в Петербурге. 1869 г.

Портрет императрицы
Марии Фёдоровны,
жены Александра III

Портрет
императора
Александра II.
1860-е гг.

студентов академии, претендовавших на большую золотую медаль, отказались участвовать в создании конкурсных работ на тему скандинавской мифологии, так как считали её устаревшей, и покинули стены учебного заведения, не предоставив итоговые конкурсные работы на большую золотую медаль. Это событие известно в истории академии как «бунт 14-ти». Живописцем было получено звание классного художника второй степени по исторической и портретной живописи с присвоением чина XII класса.

Тем не менее, благодаря своим заслугам в области художественного искусства, Константин Маковский с 1867 года — академик (за предоставленные на выставку академии, в которых он многократно участвовал, картины «Бедные дети» и «Селёдочница»). С 1869-го — профессор (звание присуждено за работы «Наставление матери», «Разговоры по хозяйству», «Не по силам ноша», «Семейный портрет» и получившую широкую известность «Народное гуляние во время Масленицы на Адмиралтейской площади в Петербурге», 1869 г.).

А с 1898 года — действительный член Императорской академии художеств. В 1870 году он стал членом-учредителем Товарищества передвижных художественных выставок.

В 1870-х Маковский предпринял несколько поездок на Ближний Восток, он побывал в Египте, Алжире, Абиссинии; а также — в Болгарии и Сербии. Результатом поездки стал ряд картин со сценами из восточного быта, в частности «Возвращение священного ковра из Каира в Мекку» (1875 г.), копию которой, написанную в следующем, 1876 году, за десять тысяч рублей приобрёл император.

Константин Маковский много путешествует, живёт и работает в Москве, Петербурге, Париже, предпринимает поездки по российской провинции; следует за русской армией на Балканах во время Русско-турецкой войны. В 1878 году Маковский был пожалован званием кавалера Ордена Св. Анны III степени.

В 1885-м на Всемирной выставке в Антверпене выставилось его полотно «Боярский свадебный пир XVII столетия» (1883 г.), живописец получает

высшую награду жюри. А в 1889 году на Всемирной выставке в Париже он был удостоен большой золотой медали за представленные картины «Смерть Ивана Грозного» (1888 г.), «Суд Париса» (конец 1880-х) и «Демон и Тамара» (1889 г.). Маковский был награждён также французским правительством Орденом Почётного легиона.

Константин Маковский написал как множество типажей и сценок из народного быта (знаменитые и популярные «Дети, бегущие от грозы», 1872 г., образ старого слуги «Алексеича», 1882 г.), так и большое количество портретов, в том числе знати, высокопоставленных лиц, банкиров. Он сочетал в себе таланты художника-режиссёра, умевшего придать своим полотнам особый колористический лоск, и любовь к средневековым и «экзотическим» темам. За живописцем закрепилась репутация салонного художника, его считали провозвестником символизма и модерна с их упоением сверхреальной красотой. Константин Егорович Маковский скончался 17 (30) сентября 1915 года в Санкт-Петербурге.

ИЗ БАБУШКИНОГО
СУНДУКА

Сергей Вознесенский

Художник С. Крашенинникова

Брусничное варенье

Я бросился к этой кочке-клумбе. Она вся покрыта брусникой, обрамлённой ярко-зелёными листьями. И тут из её пунцовой середины с шипением поднялась аспидно-чёрная змея. Её тело свёрнуто в боевую пружину. Маленькая копьевидная головка откинута назад для удара. Мои пальцы в сантиметре от её морды. Но гадюка не ударила. Это, по моим наблюдениям, очень мирные создания. Они кусают, только если на них случайно наступишь или схватишь. Это бывает, но редко. И, по моим наблюдениям, люди стали реже убивать гадюк. Я давно уже не наткался в лесу на мёртвых змей. И сам их не трогаю. А наши гадюки относятся к людям безразлично: не проявляют ни агрессии, ни страха. Я инстинктивно отёрнул руку от опасной кочки и удалился. Оставил эту соблазнительную брусничную клумбу гадюке.

Ей так сладко на ней спалось. Она здесь хозяйка, а я — гость.

Бруснику не надо собирать там, где её мало, не надо её брать и там, где её много. Если хорошо побегать по болоту, за топами и буреломами разыщется поляна, которую брусника покрывает сплошным красным ковром и ягоды свешиваются с кочек виноградными гроздьями. Их можно сгребать горстями и сыпать, и сыпать в пластмассовое ведёрко. Потом из ведра бруснику я пересыпаю в рюкзак, в картонный ящик. Бруснику легко собирать. И на ощупь она такая приятная: тёплая и сухая. Как ни странно, такие же на ощупь гадюки. Я как-то случайно, сгребая ягоды с кочки, схватился-таки за змею. Но не сделал ей больно, и она меня не «клянула». Шкурка гадюки вовсе не скользкая, не липкая, не холодная, а тёплая и мягкая, как замша.

Я набираю брусники ну очень много. Так что её трудно бывает вынести с болота. В молодости я семь лет отдал охоте. Семейные традиции. Во всех русских немцах сидит барон Мюнхаузен.

— Как тебе не жалко, такому здоровому, толстому парню, в огромных сапогах, с огромной двустволкой, убивать бедных зайчишек, — сказал мне мой друг детства Алик Мишустин.

«А ведь вправду, — подумал я. — Гадость, скотство — входить в лес с целью убийства ради забавы». И решительно покончил с охотой, так же, как позже сразу и навсегда бросил курить и (значительно позже) пить хмельное. Но Мюнхаузен-то во мне остался. Меня неудержимо тянет побегать по лесам и болотам и что-нибудь добыть. Нет, я вовсе не жадный. Большую часть своей добычи раздаю, раздариваю. Но как приятно похвастать! Идёшь из леса, еле тащишь тяжеленный рюкзак и в руке ещё ведро. Встречает сосед:

— Ты же недавно пошёл и уже обратно. Что — ничего нет?

— Нет, набрал немного.

— Ого! Так у тебя целое ведро. Когда успел? А в рюкзаке что? То же? Так ведь и не поднять! Как ты это дотащил? И где набрал? Да ты места знаешь!

Тут я расцветаю от удовольствия:

— Нет, просто бегать надо по лесу порезвее и искать, где много.

В опячьё пору я принёс столько грибов, что соседи, сначала с благодарностью принимавшие мои подношения, быстро избаловывались:

— Девать, говоришь, некуда? Ну ладно, высыпь в траву у забора. Может, будет время — разберу.

И всё же особое место среди даров русского леса для меня занимает брусника. Здесь и дорогие воспоминания, кажется, такого недалёкого детства. Каждое лето мы с мамой ездили на пароходе на Волгу, в город Мышкин. Дальше по притоку Волги Юхоти на катере до деревни Антеплево. И начиналась ягодная страда. Сначала земляника с её неповторимым ароматом, смешанным с запахом разогретых солнцем сосен. Потом малина, черника. И, наконец, королева ягод — брусника. Бруснику везли в Москву и, уже сваренную, в ведрах. И «живьём», в картонных коробках. Весь год ели брусничное варенье.

А варят лучшее в мире брусничное варенье так. Если гарнирное, несладкое, на три-четыре стакана ягод — стакан сахара. Мы его почти со всеми блюдами ели. И с котлетами, и с картошкой, и с макаронами. Если варится варенье к чаю, на три-четыре стакана ягод — стакан резаных яблок, лучше антоновки, и три стакана сахара.

У брусничного варенья сложный специфический вкус. В нём и сладость, и кислота, и горечь, и пряность, и терпкость, и еле ощутимый привкус металла.

ЛИЦЕЙ

Книга —

Вы заглядывали когда-нибудь на самую последнюю страницу книги, такую последнюю, что на ней нет даже порядкового номера? А здесь можно найти немало важного и любопытного: именно там мы прочтём, кто её делал, кроме главных создателей, её «родителей», автора и художника.

На самой последней странице, скромно, мелким шрифтом в выходных данных напечатаны имена ответственного редактора, художественного редактора, технического редактора, корректора. Их роль в создании книги не такая, как у автора и художника, — она скромнее, но без их участия и труда книга не выйдет.

Долог путь книги от писательского стола до библиотечной полки, магазинного прилавка, школьной парты.

Сначала она и книгой не называется: то, что придумал писатель или поэт и записал, напечатал на машинке или набрал на компьютере, — это рукопись. Странно, но именно этим старинным русским словом называют то, чего коснулись современные технические средства. В издательстве на

стол редактора ложится именно рукопись, хотя совсем не рукой она написана. Редактора можно назвать самым первым читателем любой будущей книги: ещё никто не знает, когда в ней происходит действие, кто главный герой, что с ним случится, а редактор уже знает, потому что он прочёл рукопись. Он должен обладать литературным вкусом, обширными знаниями, чтобы в рукописи исправить не очень удачные места, быть для автора добрым советчиком. Редактор найдёт и исправит в рукописи неточности и ошибки, он «ведёт» книгу до её выхода в свет, поэтому его фамилия в выходных данных всегда стоит первой.

У книги есть художественный редактор.

Он выбирает для книги художника, оценивает, в чём-то исправляет его рисунки.

Когда из типографии прибывают первые пробные оттиски иллюстраций, художественный редактор придирчиво сверяет их с рисунками художника, добываясь от печатников точной передачи цвета.

ВЕЛИКОЕ ЧУДО

Очень важна роль технического редактора: он определяет, какой нужен для этой книги шрифт, формат страниц, размеры рисунков. Технический редактор создаёт макет книги, который очень похож на книгу, но является черновиком её — ведь школьники тоже пишут черновики, если предстоит очень ответственная контрольная...

Есть в издательстве специалист, чья работа напоминает работу вашей учительницы, которая проверяет ваши диктанты, изложения и сочинения. Корректор — борец с ошибками, опечатками. Он читает текст будущей книжки в рукописи и в наборе, во всяких сложных и спорных случаях ему помогают словари и справочники. Корректоры прилагают максимум усилий, внимания, чтобы выловить, исправить опечатку — коварного книжного врага. Говорят, что книг без опечаток не бывает, хотя существует легенда, что в библиотеке Оксфордского университета хранится Библия без единой опечатки.

Великое чудо рождения книги продолжается и завершается в типографии, где книгу печатают, но этот сложный технический процесс лучше увидеть, чем о нём рассказывать и его представлять.

Книгу иногда сравнивают с «машиной времени», с помощью которой можно и в прошлое попасть, и в будущее заглянуть, и ярче увидеть день сегодняшней. Но книга — это ведь ещё просто вещь, созданная, как гово-

рил замечательный художник книги В. А. Фаворский, при помощи форзаца, обложки, шмуцтитолов... А что это такое? Это элементы книги, её части, детали. Книга — сложный организм, названия её составных частей должны знать настоящие книголюбы.

Часто мы видим надетую поверх переплёта суперобложку — бумажную обложку (обычно яркую, привлекательную). Она защищает книгу от пятен, цара-

пин, грязных рук. Привлекательная суперобложка рекламирует книгу.

Тонкие книжки называются брошюрами, у них, как правило, тонкая обложка, на ней напечатаны фамилия автора, название.

Объёмные книги одеваются в прочный картонный переплёт, оклеенный специальным прочным материалом или покрытый прозрачной плёнкой. Переплёт защищает книгу от всяких неприятностей, продлевает срок её жизни. Иногда у подарочных книг бывает особый «дом» — футляр.

Как нарядный шарфик из-под пальто, так из-под корешка книги виден бывает шелковистый цветной каптал — кусочек тесьмы, который вклеивают в книжный корешок сверху и снизу. Каптал укрепляет корешок и украшает книгу.

Иногда к капталу прикрепляют красивую ленточку-закладку, шириной в 5–8 мм — ляссе. Когда в книге есть ляссе — это очень удобно: сразу найдёшь то место, где остановился при чтении, не надо искать закладку или её замену.

*Продолжение
см. в следующем номере*

Крым. У моря

Мне очень повезло. Я родился в Крыму, на земле своих предков. У меня есть мама, папа, братик, а ещё две бабушки и два деда. Мы жили с родителями отца одной большой дружной семьёй. Мы с братиком были совсем маленькими, когда родители уходили на работу и оставляли нас на их попечении. Мои бабушка Айше и дед Абдурешит очень нас любили. Как сейчас вспоминаю, бабушка Айше специально для нас жарила чебуреки, они у неё получались бесподобными. Она вообще очень вкусно готовила. Это я потом узнал, что она всю свою жизнь посвятила профессии учителя.

Одной из первых в Самаркандской области начала учить крымскотатарских детей их родному языку. Кроме этого дома хранятся пожелтевшие газеты тех времён с её статьями о крымских татарах. Дедушка Абдурешит был очень добрым, но в то же время в меру строгим. Это он впервые начал меня знакомить с крымскотатарскими сказками, легендами, приданиями. Он так здорово рассказывал много интересных историй о довоенной жизни в Крыму, что у нас братиком Надиром дух захватывало, которые на всю жизнь остались у меня в памяти, что скоро я попробую написать книжку — рассказы моего дедушки. А ещё мы с дедом любили пить кофе. Он готовил изумительный кофе. У меня от него не было секретов. Он всегда учил меня доброте, честности, справедливости, милосердию, уважать старших, помогать слабым. Дед прожил тяжёлую жизнь: строил страну, во время Великой Отечественной войны защищал Родину, несколько раз был ранен, дожил до Победы, награждён правительственными орденами и медалями. Каждый год 9 мая он надевал свой костюм с наградами, и мы шли в центр посёлка, чтобы отметить этот великий праздник!

В МОЕЙ ПАМЯТИ

В начале 2004 года не стало моей бабушки Айше. Я тогда был совсем маленьким и не всё понимал, но чувствовал, что произошло что-то непоправимое. Вся семья тяжело переживала эту утрату, но тяжелее всех конечно же было дедушке. Они с бабушкой Айше прожили вместе более 50 лет, и мы, как могли, поддерживали его, старались не оставлять его наедине со своими мыслями... Но буквально через пару недель после кончины бабушки произошла вот такая история. Мы сидели за столом, собираясь обедать, вдруг кто-то начал стучаться к нам в окна. Когда мы посмотрели в окно, то глазам своим не поверили.

В окно пыталась влететь птичка величиной с воробья, но такая красивая: тельце голубенькое, крылья покрыты пёрышками цвета радуги. Она на протяжении нескольких дней прилетала к нам. Такие птицы, мне казалось, живут только в раю, вот такой необычайной красоты была эта пташка. Мы, сидевшие за столом, на какое-то время замерли от удивления. Тишину нарушил дедушка. Он сказал:

— Смотрите, дети, это прилетела наша бабушка! Она соскучилась по дому и, наверное, переживает за нас! Папа вскочил с места и открыл окно, чтобы впустить птичку, но она скрылась на ветках черешни и улетела... Мы были поражены виденным явлением... Но на этом история с райской птичкой не закончилась.

В 2008 году мы потеряли и дедушку. Он тяжело переживал потерю бабушки, а кроме этого, стали давать о себе старые раны. После похорон прошло две недели... И вот, когда мы вновь собрались за столом, послышался до боли знакомый стук в окна. Когда мы все обернулись, то за стеклом увидели уже двух «райских» птичек. Одна крупная, с длинным хвостом, яркими крыльями, вторая — более нежная, тоже голубень-

А. А. Дайнека. Крымский пейзаж

кая, с жёлтым пятнышком на груди. Они пытались привлечь наше внимание, стучались к нам в окна, как будто пытались заглянуть в комнату. Мы конечно же догадались — это прилетели наши бабушка и дедушка. Они пели какие-то свои птичьи песни, были счастливы, они вновь были вместе...

Когда я вижу красивых маленьких пташек, то вспоминаю свою бабушку и дедушку, какими они были замечательными людьми. Мне так их сейчас не хватает, не хватает их тепла, внимания, поддержки. Но мне кажется, что они оттуда наблюдают за мной: радуются моим успехам, огорчаются моим неудачам. Память о них я буду хранить всю жизнь и никогда их не забуду. Эту удивительно трогательную и немножко грустную историю с птичками я обязательно расскажу своим детям и внукам.

Удивительная ворона

В самом начале лета моим родственникам на дачу друзья привезли ворону. Они сказали, что подобрали её на дороге, у неё оказалось подбито крыло и её надо лечить. Сами заниматься этим не могут, так как часто уезжают в командировки. И попросили дядю Володю и тётю Любу приютить больную птицу.

На ворону было жалко смотреть: на голове и шее не было перьев, крыло беспомощно висело. Вела она себя возбуждённо: громко каркала и часто взмахивала здоровым крылом.

— Надо сделать большую клетку и поставить в саду, — сказала тётя Люба, — и ворона будет на воздухе, и нам спокойнее.

— А то будет вот так каркать всю ночь, и не уснёшь, — согласился дядя Володя.

Из больших кусков пластиковой сетки он сделал вольер и установил его на полянке перед домом. Вольер получился высокий и просторный. Внутри на разной высоте дядя Володя укрепил жёрдочки, чтобы вороне можно было прыгать, как с ветки на ветку. Крышу накрыл плёнкой, края которой спускались вниз.

— Под таким абажуром дождь не замочит, — сказал дядя Володя, сажая ворону в вольер.

На следующее утро мы повезли её в ветеринарную больницу. Птица была очень беспокойной: вырывалась из рук и отчаянно кричала. Врач сделала обезболивающий укол и осмотрела больную.

— К сожалению, повреждена мягкая ткань, таблетками это не лечится, — озабоченно сообщила нам после осмотра ветеринарный доктор, — необходима операция, — и унесла больную птицу в операционную.

Ворона проспала до вечера. Проснувшись, попила немного воды и опять задремала. На следующий день она чувствовала себя бодрее: клевала кашу и гуляла по вольеру.

Тётя Люба кормила больную разнообразной пищей: и творогом, и гречневой кашей, и хлебом, и яблоками. Каждый день ей давала витамины и измельченную куриную скорлупу, как прописала врач.

— А зачем нужно давать в пищу куриную скорлупу? — поинтересовалась как-то я.

— В скорлупе много кальция, а он необходим костям. От него кости крепче становятся:

и у людей, и у животных, а у птиц и перья лучше растут, — объяснила тётя Люба.

И в самом деле, месяца через полтора голова и шея вороны обросли перьями. Заживало и крыло — она уже могла иногда им взмахивать. А ещё через месяц ворона могла летать по вольеру.

Наша ворона выздоравливала!

Я любила наблюдать за вороной. Она важно ходила по вольеру, иногда громко каркала, как будто напоминала о себе: «Я здесь!»

Как-то тётя Люба принесла ей на обед кусочки мяса и крутое измельчённое яйцо. Ворона съела яйцо, а мясо понесла в клюве в угол вольера. Меня заинтересовало, что будет дальше. Спрятав кусок в траве, ворона забросала место стебельками травы и листьями и взлетела на жердь. Посидев неподвижно с минуту, она стала осматриваться вокруг себя, беспокойно переступая с ноги на ногу. Мне даже показалось, что она в это время думала и размышляла о чём-то очень важном. Возможно, предположила я, её мысли были такие: «А вдруг кто-то видел, куда я упрятала мясо? Надо бы его перепрятать». И, словно в подтверждение моей догадки, ворона слетела с жерди и направилась к месту, куда

спрятала еду. Крепким клювом она разрушила своё сооружение, нашла кусок и быстро направилась к другой стороне клетки. Выбрав место под большим лопухом, она положила туда мясо и взлетела на жердь. Огляделась и задумалась. А я представила себе, будто бы ворона так рассуждала в это время: «Лопух замечательно большой, вряд ли кто-то увидит под ним моё лакомство. Хорошо, что перепрятала». Дальнейшее её поведение настолько удивило меня, что я уже с уверенностью могла бы утверждать, что ворона в самом деле умеет мыслить. Посидев минутку другую в задумчивости, она мелкими шажками стала беспокойно передвигаться туда-сюда по жерди, потом присмирела.

— Всё-таки что-то беспокойно мне, — подумала, возможно, ворона, — правильное будет спрятать еду в другом, более надёжном месте.

Она ещё некоторое время сидела на жерди, осматриваясь по сторонам, потом резко слетела с неё — видимо, приняла твёрдое решение опять перепрятать мясо. Подойдя к лопуху, она сунула голову под его листья, достала кусок и, крепко держа его в клюве, уверенно пошла к стенке напротив. Ворона несколько раз прошла вдоль этой стенки и, убедившись, что здесь самое надёжное место, спрятала, наконец, драгоценный кусок под корой от старых веток.

«Ворона прятала еду, значит, обеспечивала себе запас на «чёрный день». Ну что за умная птица! Раньше я думала, что только собаки закапывают в землю кости или куски какой-нибудь пищи — на случай голодного времени. Но, оказывается, и вороны заботятся о завтрашнем дне!» — восхищалась я вороной.

Наступила зима. Высоко ворона ещё не могла летать — крыло не совсем окрепло, и мы решили оставить её зимовать в доме. Большую клетку поставили к дяде Володе в кабинет. Мне очень хотелось посмотреть, как живётся вороне, и на зимние каникулы я приехала на дачу. Ворона чувствовала себя хорошо. Днём её выпускали из клетки, и она ходила по комнатам. Птица привыкла к людям и не пугалась, как прежде. Дядя Володя часто сажал её себе на плечо. Птица не слетала с плеча, даже когда он мастерил. Однажды я что-то сказала вороне, и она вдруг ответила: «карр!» Мы стали разговаривать с вороной чаще. Она внимательно слушала и иногда произносила своё: «карр! карр!».

— Надо научить её выговаривать какое-нибудь слово, — предложила тётя Люба.

— А ты думаешь, можно научить? — засомневался дядя Володя.

— Нужно выбрать слово, созвучное тому, что она произносит. Мне кажется — научится, она ведь такая умница! — ответила тётя Люба, ласково поглаживая птицу.

Перебрав несколько слов, остановились на слове «красота».

Учёба давалась нелегко. По многу раз на дню вороне говорили:

— Скажи: кра, кра...

Ворона внимательно смотрела на нас и молчала.

— Кра, кра, кра... крра-со-та...а... — повторяли мы вороне. Птица молчала. Даже своё «карр» перестала произносить.

— Вот и умница наша, — безнадежно махнул рукой дядя Володя, — ничего не получится.

Но тётя Люба и я были настойчивы. Мы долго занимались с вороной, повторяя: «кра...а..., кра...а..., кра-со-та, кра-со-та...».

Каникулы закончились, и я уехала домой немного разочарованная: ворона так и не научилась говорить.

В конце февраля я решила навестить своих родственников и ворону. Подходя к участку, услышала голос дяди Володи и карканье. «Гуляют», — подумала я. И в самом деле, дядя Володя чистил дорожки от снега, а ворона важно гуляла рядом. Она выглядела просто красавицей! Её чёрная голова, крылья и хвост резко выделялись на поле снежной белизны. Клюв, казалось, стал чернее обычно-

го. Серое оперение туловища слегка искрилось на ярком зимнем солнце.

— Здравствуйте! — войдя в калитку, весело поздоровалась я. И вдруг громкое: «краса-та...а!», словно прорезав морозный воздух, прозвучало на весь участок!

— Ворона заговорила! — радостно вскрикнула я от удивления. — Научилась всё-таки!

На все вопросы птица отвечала «красота».

Наша ворона оказалась способной ученицей! Она обязательно научилась бы говорить другие слова, но зима заканчивалась, наступала весна, а с нею весенние заботы.

С каждым днём солнце пригревало сильнее, небо очищалось от пелены серых облаков, становилось чистым, голубым. Приезжая в выходные дни на дачу, я с интересом прислушивалась к птичьим голосам. Перелетая стайками с дерева на дерево, птицы весело щебетали, перекликались мелодичными трелями. Казалось, что воздух наполнен их весёлыми песнями!

В конце апреля, когда установилась тёплая погода и ночи уже не были такими холодными, как в начале весны, ворону переселили в вольер. В майские праздники мы решили выпустить ворону на волю и открыли дверцу вольера. Ворона смело вышла из него и пошла по саду с таким видом, будто выясняла: всё ли здесь в порядке. Увидев бочку, она взлетела на её край, посмотрела на своё отражение в воде и полетела к берёзе, которая росла в углу нашего участка, и с её высоты стала с любопытством осматривать округу. Вдруг ворона с силой взмахнула крыльями и улетела в сторону леса. Мы с грустью подумали, что она

покинула нас навсегда. Каково же было наше удивление, когда вечером ворона возвратилась и направилась к вольеру! Так было несколько дней: ворона улетала, но вечером возвращалась в свой дом.

Однажды на участке появилась ещё одна ворона. Вместе птицы собирали ветки и летели с ними на берёзу, укрепляя их, в высокой развилке ствола.

— Строят гнездо, — сказал дядя Володя.

Строительство продолжалось несколько дней. Снизу его можно было хорошо разглядеть. Гнездо было достаточно большое, с низкими краями, с основанием из толстых веток.

Когда жилище было готово, ворона перелетела в него. Она не сразу устроилась: некоторое время переминалась с ноги на ногу — искала удобное положение и, наконец, уселась. В неглубоком гнезде её хорошо было видно.

Целыми днями ворона сидела в гнезде. Её верный друг был рядом, на соседней ветке берёзы — охранял свою подругу. Иногда он улетал, но вскоре возвращался с едой в клюве. Он подкармливал ворону. Я целыми днями наблюдала за птицами, но праздники заканчивались, и надо было возвращаться домой. Мне стало грустно, что не буду видеть птиц.

— Не расстраивайся, — утешал меня дядя Володя, — скоро летние каникулы, приедешь на всё лето.

Я не могла дожидаться, когда закончится учебный год. И когда начались летние каникулы, тут же уехала на дачу. Я сразу побежала к берёзе и увидела и ворону и её друга. Так же, как три недели назад, ворона сидела в своём жилище на берёзе, а её заботливый друг — на ветке рядом.

Как-то, ранним утром, ворона встала и перелетела на ветку.

— Раз слетела с гнезда — значит, птенцы вылупились, — предположил дядя Володя.

И в самом деле, мы услышали тонкие голоса птенцов. С этого дня у ворон началась беспокойная пора: они должны вырастить детей. Птицы не успевали приносить птенцам корм. Положат им в рот мошку или маленького червячка — они затихают, но через несколько минут опять требовательно кричат.

Больше месяца продолжались вороньи хлопоты. В начале июля птенцы стали вылетать из гнезда, и вскоре улетели совсем.

А ворона так и осталась жить на нашем участке. Иногда, время от времени, на всю округу раздаётся: «Краса-та...а...», вызывающая удивление и улыбку у всех, кто слышал это замечательное слово от нашей удивительной вороны!

Превратности судьбы и праздник слова

Стоит нам произнести это имя — «Александр Грибоедов», как рядом уже тут как тут — «Горе от ума». Грибоедов вошёл в нашу жизнь меткими и образными цитатами. У каждого из нас они свои, любимые.

«Дома новы, но предрассудки стары», — к примеру, уверенно повторит читатель и приведёт в доказательство свои доводы, перечисляя наши вечные привычки, а то и заблуждения. Например, что богатство приносит уважение от людей, а короткий к нему путь — нужные связи среди родственников или знакомых семьи, а для успеха совсем не обязательны глубокие знания в той или иной профессии...

Но к этому замечательному произведению мы ещё вернёмся, а сейчас коснёмся превратностей судьбы гениального поэта.

Стоит заметить, что даже гении не «вырастают» вдруг, на пустом месте. К примеру, Саша Грибоедов уже в самые ранние годы получил прекрасное домашнее образование. Стоит только вспомнить, что занимались с ним в эту пору видные московские профессора, благодаря чему у юного Грибоедова очень рано проявились интересы к разным наукам, а также иностранным языкам. И позднее, учась в пансионе, а затем в Московском университете, Александр был уже глубоко и разносторонне образованным человеком: окончив к 15 годам словесное и юридическое отделения, продолжал учиться на физико-математическом факультете. Вместе с этим великолепно играл на фортепиано, свободно изъяснялся на французском, немецком, английском и итальянском языках. Плюс великолепное знание русской литературы и первые уверенные шаги на этом поприще...

В 20 лет он уже переписывает по-своему пьесу французского драматурга Крезе де Лессера, — и комедия «Молодые супруги» выходит на подмостки театра. А спустя два года Грибоедов приглашается на службу в Коллегию иностранных дел, ку-

И. Н. Крамской. Портрет писателя А. С. Грибоедова. 1872

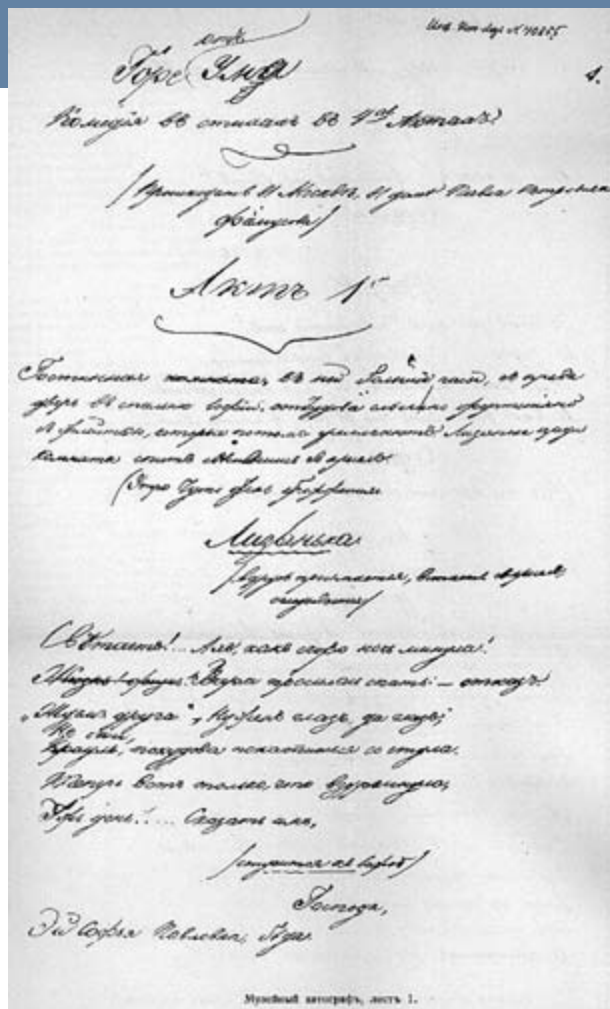
К. Сомов. Театральная афиша комедии «Горе от ума»

Н. В. Кузьмин. Портретная галерея

да зачислялись особо образованные и одарённые личности. В это же время он знакомится с литераторами Вильгельмом Кюхельбекером и Николаем Гречем, надолго ставшими ему друзьями. Забегая вперёд, скажем, что Грибоедов повезло больше, чем Лермонтову: он встретился-таки с Пушкиным, и, как полагают биографы обоих поэтов, речь наверняка шла о способах помочь опальным декабристам, тем более что Грибоедов уже касался этой темы в разговоре с царём во время следствия по делу о восстании 1825 года.

Но вернёмся к началу непосредственно дипломатической службы будущего автора «Горя от ума», к его назначению в 1818 году секретарем русской миссии в Персии. По сути, в традициях русского самодержавия, это было не чем иным, как наказанием поэта за участие в дуэли в роли секунданта между двумя офицерами. Надо сказать, молодой, образованный, благородного поведения дипломат пользовался большим уважением как среди сослуживцев, так и персидских чиновников, не говоря о простом населении. Затем некоторое время он состоял в штате генерала А.П. Ермолова в Тифлисе, также по дипломатическим делам. Именно в этот период были написаны два первых акта комедии «Горя от ума». Далее следует довольно продолжительный отпуск, и в 1823

Музейный автограф «Горе от ума». Первая страница

году он завершает своё великолепное произведение в стихах. Это было очень плодотворное время. Вместе с Петром Вяземским он пишет водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», музыку для которого сочинил известный композитор Алексей Николаевич Верстовский.

Наконец, летом 1824 года Грибоедов закончил работу над комедией и, естественно, ждал её публикации. Однако цензура, как всегда, «держала ухо остро», и только на следующий год, и то в отрывках, появилось «Горе от ума» в альманахе «Русская Талия». При жизни Александр Сергеевич так и не увидел своё любимое детище напечатанным полностью, но хорошо знал, что рукопись широко «гуляла» по России.

Возвратившись на Кавказ в качестве дипломата, Грибоедов достойно и плодотворно выступает на этом поприще. Чего только стоит Туркманчайский мирный договор, поставивший твёрдую точку на войне с Персией! Это при его участии были основаны «Тифлиские ведомости», составлен проект об «Учреждении Российской Закавказской компании»...

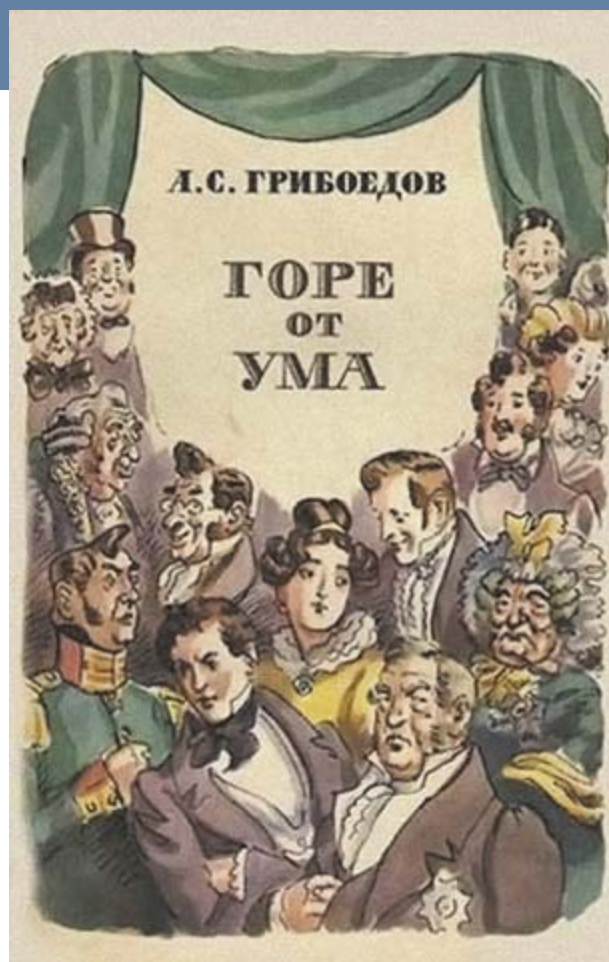
И приходит день, когда в качестве полномочного министра он снова отбывает в Персию, незадолго до этого обвенчавшись с грузинской княжной Ниной Чавчавадзе. Прощание с ней и друзьями было более чем грустным. Чуткая и тонкая душа гениального поэта словно предвидела ту чашу страданий, что предстояло ему испытать. И сердце, увы, не обмануло. В Тегеране он стал жертвой заговора тех сил, что боялись усиления влияния России в этом регионе. Подстрекаемая подданными Англии, разъярённая толпа разгромила посольство России вместе с теми, кто его защищал. Грибоедов сражался наравне с другими и был зверски убит. Так Россия потеряла одного из лучших своих сыновей. Гибельные схватки других гениев — Пушкина и Лермонтова — были ещё впереди.

Похороны замечательного поэта и гражданина России состоялись в Тифлисе на горе святого Давида. Нина Чавчавадзе сквозь годы пронесла свою любовь к Александру Сергеевичу, завещала похоронить себя рядом с ним, и это ей принадлежат вечные слова, обращённые к мужу: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!»...

Но вернёмся к самому яркому, остроумному, образному и смелому произведению Грибоедова «Горе от ума», что до сих пор украшает нашу речь и саму жизнь.

*«О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?»*

Оглянемся вокруг, послушаем друга друга, включим радио или телевизор, — и что зачастую слышим? То и дело — обороты, которые — «ни в какие ворота». Ударения — и так, и этак, фразы спотыкаются, как ржавое колесо в поле. И обидно, когда грешат этим люди вроде бы вполне образованные, не говоря уже о тех, кто ещё учится. Риторике, то есть искусству речи, нас давно нигде не учат, но грамотно связывать слова всё-таки сам Бог велел, коли говорим на родном языке. Вот пример такой небрежности, отнюдь не безобидной: «Мы поняли о том...», «Мы решили о том...» — вместо «Мы поняли то...», «Мы решили это...», и так далее, в том же духе. Перестать чувствовать родной язык, не зная его основных пра-

вил, — это уже из ряда вон. Вот почему так вольготно у нас Хлестаковым, откуда бы они ни свалились на нашу голову.

*«Приехал — и нашёл,
что ласкам нет конца;
Ни звука русского,
ни русского лица...»*

Когда словарный запас молодого человека ограничивается десятком «крутых» выражений, когда иные школьницы лезут из кожи, чтобы быть похожими на кого угодно, только не на себя, а в общении подростков то и дело мелькают нецензурные слова, то и выходит по Грибоедову: ни звука русского, ни русского лица...

«У меня с мамой обалденное взаимопонимание!» — заявляет школьница в очередном ТВ-шоу и гордо смотрит в зал, потому что так «красиво» выразилась. «Остановите на остановке!» — обращаются почти все пассажиры автолайна к шофёру. И это — наш «великий и могучий», где у каждого слова — столько «братьев», то есть схожих по смыслу выражений: «притормозите», «задержитесь», «разрешите сойти», «высадите» и так далее. Но

«остановить на остановке» — это пример того самого запаса в десять слов. Да мы же в России живём! И большинство читали не только Гоголя и Грибоедова. А «перлы» эти — всё оттуда, от плохого вкуса и такой же культуры.

Как видим, не так уж далеко мы ушли за два века от некоторых персонажей произведения Грибоедова.

Вспомним, кстати, и другие крылатые выражения из «Горя от ума», ставшие уже почти народными.

Кто из нас, возвращаясь из дальней поездки на каникулах или в отпуске, не скажет про себя:

«Когда ж постраниствуешь, воротись же домой, и дым Отечества нам сладок и приятен!»

А вот эту цитату и сегодня нелишне взять на вооружение:

«Когда в делах — я от веселия прячусь, когда дурачиться — дурачусь, а смешивать два эти ремесла есть тьма искусников, я не из их числа».

А разве не хочется на чьи-то завиральные фантазии среагировать так:

«Послушай! Ври, да знай же меру».

А сколько раз с горечью приходилось повторить за Чацким:

«Ах! злые языки страшнее пистолета».

И, конечно, вечнозелёное:

«Счастливые часов не наблюдают».

Давайте возьмём томик Грибоедова, который есть в любой библиотеке, в том числе школьной, откроем эту бессмертную комедию и ощутим тот самый праздник русского слова, который не так уж часто приходит к нам. И не раз улыбнёмся, а где-то — задумаемся, увидев со стороны себя или кого-то из знакомых, и скажем — через два века — огромное спасибо Александру Сергеевичу Грибоедову. Я не сомневаюсь, он обязательно услышит! И, может быть, совершенно серьёзно запишет нас в друзья. А почему бы и нет? В русской литературе и не такие чудеса случаются.

Рассказы-горошины

Художник Г. Лопачёва

Воробей

Воробьи слетались в наш вишнёвый сад целыми стаями. Клевали они самые спелые и крупные ягоды.

— Кышь, проклятые! — ходила по саду бабушка, взмахивая низом своего фартука.

Воробьи взлетали и, покружив над садом, садились где-нибудь в дальнем углу.

— Вовк, ты бы погонял их. А то так без варенья останемся. Одни наклеваши нам достанутся.

Получив такое задание, я достал спрятанную рогатку, нашёл кусок разбитого чугунного горшка и, вооружившись молотком, стал готовить «боеприпасы».

Делалось это просто: я бил молотком по куску выпуклого бока горшка, и чугун разбивался на небольшие, но увесистые кусочки с острыми неровными краями.

Подкравшись к вишне, на которой гомонились воробьи, я целился в какого-нибудь особенно нахального по виду и пустил свою «пулю». Я, конечно, промахивался: слишком мелкая была цель.

Но растянув в очередной раз резинки рогатки и особенно тщательно прицелившись, я попал.

...Этот воробей до сих пор у меня в глазах. Он не упал с ветки, а перевернулся

вниз головой, намертво, — вот именно намертво! — вцепившись в неё своими сухонькими лапками. Крылышки его непривычно распустились, как бы опали, а клювик раскрылся — так он провисел целый день, пока его не увидела бабушка.

Она смотрела наверх, на ту вишню и что-то шептала, крестясь.

Я подошёл и стал оправдываться, мол, я только попугать хотел...

— Я так и думала, что это ты... О, Господи, прости нас, грешных, — опять закрестилась бабушка.

— Они же проклятые... Ты же сама рассказывала, что они гвозди приносили, когда Христа распинали.

Бабушка, наконец, глянула на меня и строго сказала:

— Кто знает, может, Господь простил их по своему милосердию... А ты покарал. И за что? За ягоды какие-то несчастные... О прости, Господи, несмышлёныш он ещё...

Как я помогал бабушке

Бабушка надела новую юбку, достала из сундука свой выходной платок в чёрный горошек. И я понял — она собирается в Ильинское, в магазин.

— Бабушка, — попросил я, — возьми меня с собой.

В Ильинское мы шли по утреннему холодку, зато обратно — солнце уже припекало вовсю. Да ещё оводы налетели. Я от них берёзовой веткой отмахивался. А бабушке доставалось: руки-то у неё сумками были заняты.

В роще, у ручья, мы присели отдохнуть. Умылись.

— Ты бы, внучек, подсобил мне, — сказала бабушка. — Вот скушай конфетку.

Невелика вроде тяжесть, а всё облегчение...

И достала из сумки несколько конфеток — моих любимых «Ласточек».

Идём дальше. Солнце прямо в маковку бьёт. Оводы ещё злее стали.

— А пряничка, внучек, не хочешь? Скушай, милоч. Помоги бабушке — всё нести легче.

Остановилась, наклонилась к сумке и протянула мне три пряника. Мятных. С белой, сладкой корочкой.

Съел я и пряники. Пить захотелось. Вспомнил, что бабушка «Лимонад» покупала. Я и говорю ей:

— Бабушка, а давай я ещё тебе помогу, «Лимонад» выпью. Бутылка-то она вона какая тяжёлая!

— Ай да внучек у меня! Ай да молодец! И в кого ты у нас такой смекалистый?

Я, наверное, сразу полбутылки выпил. Так пить захотелось. А потом я пил понемножку. Продлевал удовольствие.

Вечером мы все собрались за самоваром. Бабушка и конфеты выложила, и пряники.

— Это вы Володеньку благодарите. Мы ведь вместе в магазин ходили. Помог он мне. А одна-то разве я бы донесла всё это? И посмотрела на меня с улыбкой.

Сергей Глядкин

Достижения цивилизации

(Продолжение. Начало см. в ДРГ № 2, 4, 5, 9, 10, 11 за 2014)

Современная цивилизация

В прошлом году мы говорили про основные — общие для всех цивилизаций признаки: действительно, все достигшие высокого уровня развития человеческие культуры имели товарное сельское хозяйство, так или иначе использовали животных, знали металлургию и письменность, большинство из них активно применяли колесо. А сейчас давайте попробуем глубже понять, что мы подразумеваем под самим словом «цивилизация», каковы опасности и достижения современной цивилизации и чем она отличается от цивилизаций прошлого.

Слово «цивилизация» известно со времён Древнего Рима, но тогда под ним понимали всего лишь состояние, противоположное варварству. В современном смысле это слово стали использовать со второй половины XVIII века. Оно обозначает самодостаточное, протяжённое во времени сообщество стран и народов, обособленных от окружающей культурой, экономикой и социальными механизмами, объединённых языком, религией, искусством, правом и т.д. Те исследователи, которые выбирают понятие цивилизации как ключевое при изучении исто-

Китайская — древнейшая цивилизация земли

Египет — ещё одна тысячелетняя цивилизация

рии человечества, обычно сравнивают цивилизацию с живым организмом, проходящим путь от рождения, достигающим зрелости, дряхлеющим и умирающим. Одни цивилизации погибали под ударами внешних врагов (Египет был покорён Грецией, цивилизация майя была завоевана ацтеками, а последние пали под ударами испанцев, Рим был завоёван варварами), другие — приходят к своему концу вследствие непреодолимых внутренних противоречий.

Наверное основная характеристика современной цивилизации — её глобальность. Некоторые учёные говорят о Западно-европейской цивилизации, будто бы противостоящей цивилизации Востока. Но несмотря на сохраняющуюся самобытность отдельных регионов, всё, что происходит сейчас в одном уголке планеты — будь то Америка, Монголия или Австралия, — находит отражение в другом. Деятельность всех людей встроена в общее совместное хозяйство. Современному человеку приходится принять тот факт, что выжить в одиночку за счёт других невозможно, и от его действий зависит вся жизнь на планете. Если цивилизации прошлого зависели от внешних обстоятельств и их судьба определялась окружением, то деятельность современного человека всё больше определяет настоящее и будущее планеты Земля.

В этом одна из опасностей цивилизации — человеку стали подвластны такие силы, что вследствие неосторожности или злого умысла он может если не уничтожить совсем жизнь на Земле, то, во всяком случае, вернуть её на уровень каменного века. Ещё одна опасность современной цивилизации — её техногенность, направленность преимущественно на индустриальное производство материальных благ. Многие мыслители предупреждают, что такие приоритеты ведут к утрате духовного начала, утрате самого смысла существования цивилизации. Принятие промышленного производства

Парфенон — символ греческой цивилизации

как основной модели ведения хозяйства ведёт к стремительному росту энергопотребления. А поскольку основной источник энергии сегодня — это сжигание нефти и газа — это приводит к экологическим проблемам планетарного масштаба. Нефть и газ — исчерпаемый ресурс, и когда они закончатся, человечество вернётся в каменный век даже без каких-либо трагических катаклизмов. Это будет темой нашего следующего рассказа о современной цивилизации.

Одним из прорывов современности являются достижения информационных технологий. Это вселяет некую надежду, но по большому счёту они всего лишь инструменты, помогающие мышлению, принятию решений, общению и взаимопониманию, и как всякие инструменты могут быть употреблены как во благо, так и во зло. Поэтому основной задачей современного человечества является чёткое осознание опасностей техногенного мира и общества потребления, поиск новых путей развития материальной и духовной культуры, учёт интересов всех членов общества. Люди различных культур и слоёв общества должны сделать мир более проницаемым, должны научиться вести диалог, научиться находить устраивающие всех решения, научиться слышать и понимать друг друга. Если в XX веке важным приоритетом была «гласность», то в веке XXI на первый план выходит «слышимость»...

Мир славянской культуры

Мегаполис — средоточие современного мира

Дорогие друзья! На страницах «Детской Роман-газеты» мы уже познакомили вас с творчеством учеников школы № 479 г. Москвы. Под руководством учительницы Махановой Е. А. они издают журнал «Солнышко», где публикуют свои работы.

Серпак Денис 11 лет

Кошачье королевство

Жил-был король кошек, и было у него четыре сына. Все его сыновья были королевской породы — Шотландской. Первого звали Бенджамин, второго — Топаз, третьего — Арамис, а четвёртого звали Маркиз.

Вот как-то раз сказал король своим сыновьям, что одному из них пора жениться. И есть невеста — Шотландка Мирабелла. Она сидит в высокой башне, которая находится в середине большого лабиринта. Кто первый дойдёт до башни и войдёт в неё, тот и женится на Мирабелле.

Но это был не простой лабиринт, в нём были разные препятствия: много ям, в которые если попадёшь, то они тебя уведут обратно в королевство, а вернуться в лабиринт уже будет нельзя.

И вот собрались четыре королевских кота в путь. Шли они, шли каждый по своей дороге, как вдруг появились собаки, которые вероломно проникли в лабиринт. Король наблюдал за своими сыновьями сверху. Когда появились собаки, он им крикнул: «Залезьте на стену, ваш старший брат зажжёт факел, и вы все пойдёте туда, где горит этот факел».

Топаз, Арамис и Маркиз подошли к Бенджамину и стали ждать, что же будет. Вдруг они видят, что им спускают большую сеть. Они схватили её, ловко разбежались по разным сторонам и накрыли сетью всех собак. Собаки запутались и жалобно завывали. Теперь им дорога только в темницу короля. А четыре дружных брата спокойно дошли до башни и вошли в неё.

Коты стали подниматься по лестнице, пока не добрались до самого верха, где находилась принцесса, и говорят они ей: «Все мы тебя любим, и потому выбирай одного из нас». И выбрала она самого младшего из котов.

Когда все вернулись в королевство, то сыграли весёлую свадьбу, а чуть позже у Мирабеллы и Маркиза родилось четверо котят.

Бронецкий Даниил 11 лет

Сказка о простом Карандаше и Ручке

Жил-был простой Карандаш. И был он влюблён в Ручку. Но Ручка не обращала на него никакого внимания. Для неё он был слишком прост. В этой стране жил злой Ластик, которому Ручка тоже нравилась. И узнал Ластик, что Карандаш влюблён в Ручку. Как-то раз Ластик встретил Карандаша и сказал, что Ручка его никогда не полюбит потому, что он некрасивый. И Карандаш решил уехать из страны, чтобы не расстраивать Ручку.

В дороге ему встретилась Точилка. Она ему рассказала про Волшебницу Красок, которая может его сделать красивым. Долго ехал наш герой и наконец-то доехал до замка Волшебницы Красок. Карандаш поведал ей о своей беде. Волшебница пожалела его и сделала красивым.

Но всё это время Ластик следил за Карандашом, и когда Карандаш возвращался домой, Ластик появился на его пути. Ластик вызвал Карандаша на бой. Бились они три дня и три ночи. Все это время шёл проливной дождь. И вся краска сошла с Карандаша. Этому очень радовался Ластик. Но от воды Ластик набух и начал крошиться. Так Карандаш стал победителем.

Карандаш возвращался в свою страну. Жители страны встречали его как героя. Подъехав к дому Ручки, Карандаш очень волновался, ведь он снова был простым Карандашом. Но все его опасения были напрасными. Ручка ему очень обрадовалась. Пока его не было, она поняла, что дело не в красоте, а в поступке, который Карандаш сделал для неё. И стали они жить долго и счастливо.

Мафтей Софья 14 лет

Дифирамбы школьным принадлежностям

Ластик, ручка, карандаш
Заполняют пенал наш.
Ими пишем, и стираем,
И, где нужно, исправляем.
Ведь без них на уроках
Ни смысла нет и ни толка.

Бубнов Егор, 14 лет

Восхваление карандаша

О, великий карандаш, царь школьной парты! Как мне жить без тебя на уроках геометрии, как исправлять ошибки и мелкие недочёты? Многие предпочитают тебе замазку.

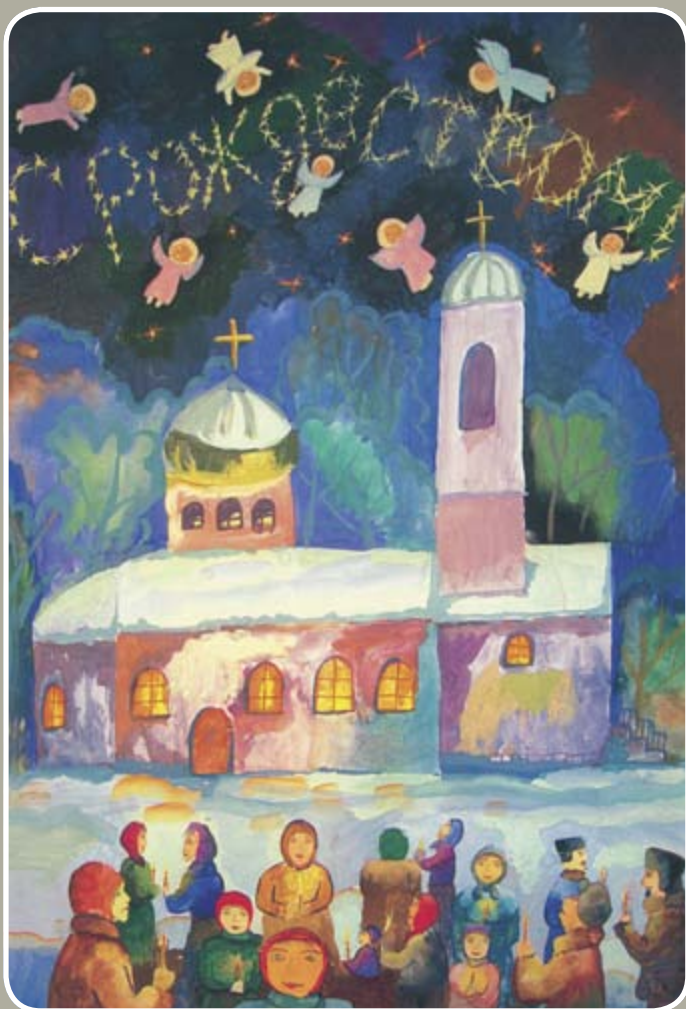
Но я остаюсь верен тебе, мой дорогой карандаш! Твои преимущества неопенимы: ты очень аккуратно исправляешь, ты всегда под рукой, и не надо выпрашивать тебя у соседа.

Вот почему я пользовался, пользуюсь и буду пользоваться тобой, о великий предмет школьного обихода!

Наш ВЕРНИСАЖ

РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ГАЛЕРЕИ «ЖАР-ПТИЦА»

Берсенёва Елена, 13 лет. *С Рождеством!*

Ткачёв Иван, 8 лет. *Слава в вышних Богу и на земли мир...*

Лахтин Виталий, 9 лет. *Из лесу ёлочку взяли мы домой*

Поддубная Маша, 13 лет. *Славим тебя, Христе!*

РОМАН-ГАЗЕТА **1** етская

2015 (187)

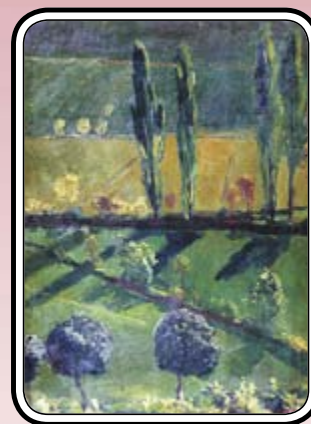
...Где-то в бескрайних лугах увидел Константин Маковский простую сценку, ставшую сюжетом для большой картины. Надвигающаяся гроза застала деревенских детей далеко от дома. Босоногая девочка в простом сарафане, дешёвеньких бусах, с грибами, завязанными в передник, и доверчиво обхвативший её шею белоголовый малыш бегут от дождя. Художника привлекло ощущение тревоги перед грозой, объединившее природу и детей.

К. Маковский. Дети, бегущие от грозы. 1872 г.

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Удивительная
ворона

РАССКАЗЫ:
Они живут в моей памяти

РАССКАЗЫ-ГОРОШИНЫ:
Воробей

ИЗ БАБУШКИНОГО СУНДУКА:
Брусничное варенье